

Литературная критика в Сибири

Ее истории уже более двух веков. Откуда же она есть пошла, где ее предтечи и начало? Большинство исследователей склонны видеть их в тех очерках и статьях первых сибирских периодических изданий, выходивших в конце XVIII века в Тобольске — а это «Иртыш, впадающий в Ипокрену», «Исторический журнал», «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», которые пропагандировали эстетические и литературоведческие знания.

С развитием в 1810 — 1830-х годах сибирского краеведения как своеобразной формы регионального самосознания начали вырабатываться и приемы критического мышления. Этот процесс шел от пропаганды местного материала, поиска способов его подачи в журнале «Сибирском вестнике» Григория Спасского через формирование принципов критического мышления в трудах Петра Словцова, Александра Степанова, Николая Щукина и других писателей-краеведов — к теоретическо-критическому обоснованию явления в рецензиях Николая Полевого на страницах его «Московского телеграфа». В основе критики сибирского краеведения лежало историческое мышление, которое было частью и продолжением общерусского литературного процесса. Не случайно Словцов, задаваясь вопросом о соотношении сибирского и общерусского приходит к заключению, что «история сибирская есть добавка к Русской».

Создателями и виднейшими представителями литературной критики в Сибири были Николай Михайлович Ядринцев и Григорий Николаевич Потанин. Ход ее развития во многом определяли их воззрения на литературу Сибири, которая являлась главным объектом внимания и забот областнической критики. Они очертили весь круг ее проблем, выработали основные критерии художественных оценок. А в 1870-е годы Ядринцев и Потанин попытались даже создать своеобразную теорию сибирской литературы. В 1876 году Потанин пишет статью «Роман и рассказ в Сибири», ставшую своего рода программой областнической критики Сибири. Во главу угла автор ставит общественную роль литературы, в которой областники видели орудие борьбы, и мысль о необходимости служения местным нуждам и интересам, «местному обществу» и поднимать «местные вопросы». При этом главное внимание писателя должно было уделяться народной жизни, а целью его деятельности могло стать лишь народное благо. Лидеры областничества, и прежде всего Потанин, видели сибирскую литературу в рамках «культурного сепаратизма», настаивали на ее саморазвитии, считали, что нужно быть готовым к скромной роли провинциального писателя, к тому, что произведения сибирской литературы будут иметь значение только в Сибири и не пользоваться успехом за ее пределами. Что касается путей художественного развития, то областническая критика видела сибирскую

литературу на реалистическом пути, но главным требованием при этом являлась необходимость пристального изучения жизни Сибири. Принципиальное значение в эстетической программе областников имело их стремление к целостному представлению о литературном процессе в Сибири. Литературно-критической трибуной для Потанина и Ядринцева в 1870-х годах была иркутская газета «Сибирь».

В 1880-е годы начинается новый период литературно-критической деятельности Ядринцева и Потанина, связанный с выходом газеты «Восточное обозрение». Их теории проходят серьезную проверку практикой. В 1885 году, в «Литературном сборнике» (приложение к «Восточному обозрению») Ядринцев публикует статьи «Начало печати в Сибири» и «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» а так же ряд других своих критических произведений, продолжающих линию историко-литературных изысканий, начатую им в книге «Сибирь как колония», и развивающих концепцию взаимоотношений «местных черт характера» и сибирской литературы. Обращаясь к текущей литературной жизни Сибири, Ядринцев в историко-литературных статьях сформулировал и некоторые принципы ее строительства. Сибирская литература, по его мнению, находилась в 1880-е годы на пути становления. Реалистическая по своей сути, она должна не только удовлетворять духовные запросы местного населения — ее миссия гораздо ответственнее, а содержание глубже. Она, по мысли Ядринцева, в первую очередь — залог самосознания сибиряков и призвана на деле осуществлять идею «культурного сепаратизма», воздействовать «на умы». Но обособление сибирской литературы должно проходить не только по линии «сибирских мотивов». Для ее создания необходимо особое «чувство Сибири», которым, по убеждению Ядринцева, не могут обладать «пришлые литераторы». Поэтому авторы-сибиряки призваны отражать не только культурно-историческое своеобразие Сибири и этнографический тип местного населения, но и саму «идею» края. Развитие сибирской литературы мыслилось Ядринцевым в тесной связи с совершенствованием местной периодической печати и издательского дела.

Большую роль в развитии литературно-критической мысли Сибири сыграло «Восточное обозрение». Примечательно, что областническое направление, заданное газете ее основателем и наложившее свой отпечаток на все публикуемые здесь материалы, менее всего отразилось на критическом отделе. Связано это было с его авторским составом (а это преимущественно ссыльные с их «централистским» духовным складом). И все-таки налета областничества критики газеты не избежали, особенно в обозрениях современной литературы.

Не обходили авторы «Восточного обозрения» вниманием русскую классику. В актуальности классических героев для современных им российских окраин видели они какое-то особое «областное значение». Ближе всех из русских классиков сибирякам был Некрасов. Отношение к нему —

яркий показатель того, что для «Восточного обозрения» гражданское содержание творчества писателя является главным в его оценке. Материалы, касавшиеся общерусской литературы делились в «Восточном обозрении» на юбилейные, приуроченные к какой-нибудь дате, и текущие, посвященные произведениям, опубликованным в столичных журналах. Все 23 года существования этой газеты ее литературные обозреватели — разных поколений и волн политической ссылки — руководствовались в литературных взглядах идеалами революционно-демократической критики, и в целом критика на страницах этого издания также носила демократический характер. Генеральная линия критики «Восточного обозрения» была выражена словами одного из ведущих критического раздела газеты Петра Филипповича Якубовича, призывавшего «держаться лучших заветов», оставленных Белинским, Добролюбовым, Чернышевским.

В конце XIX — начале XX веков широко развернулась литературно-критическая деятельность Владимира Галактионовича Короленко, ставшего в 1900 году во главе журнала «Русское богатство». Благодаря Короленко и ряду его сотрудников, прошедших через сибирскую ссылку, журнал был тесно связан с Сибирью, способствовал ознакомлению широкого круга читателей с сибирской литературой и ее популяризации. Короленко внимательно и даже ревностно относился ко всему, что писалось о Сибири, и сам активно участвовал в ее литературной жизни, оказывая плодотворное влияние на развитие литературного процесса края. Сохранились его высказывания о писателях, так или иначе связанных с Сибирью: Николае Гарине-Михайловском, Михаиле Загоскине, Василии Михееве, Иннокентии Федорове-Омулевском, Глебе Успенском. Николае Чернышевском и других. Внимание и любовь к Сибири не исключали принципиального и строгого подхода Короленко к оценке творчества писателей-сибиряков с точки зрения мастерства, идейной и художественной значимости произведения. Критические отзывы Короленко благотворно влияли на идейно-художественное формирование Владимира Богораза-Тана, Вацлава Серошевского, Петра Якубовича, Вячеслава Шишкова... Под воздействием Короленко развивались сибирские писатели Александр Новоселов, Георгий Гребенщиков, Исаак Гольдберг. Для всех них важнейшим ориентиром в литературной работе стала подкрепленная собственной творческой практикой (циклы «Сибирских рассказов») убежденность Короленко о том, что ни сибирская экзотика, ни драматичность ситуации, ни густой этнографизм не могут подменить художественного мастерства и профессионального умения.

Развитие литературной критики в Сибири предсоветского периода (до 1917 года) было связано в первую очередь с возникшим на волне общественного подъема, вызванного Первой русской революцией, нового литературного движения «Молодая литература Сибири». Организующим

началом в нем был Гребенщиков, но, по свидетельству современников, рядом с ним безусловно можно было поставить Порфирия Алексеевича Казанского, литературно-критическая деятельность которого, по выражению одного из современников, «имела руководящее направление». Еще до того, как феномен «Молодой литературы Сибири» был оценен в столичной прессе, критические статьи Казанского в сибирской периодике способствовали пониманию сибирскими реалистами своей общественной значимости. Как литературный критик Казанский одним из первых взялся за определение специфики сибирской литературы и оценку текущего литературного процесса. Его эстетический идеал восходил к революционно-демократической традиции активного взаимодействия искусства и действительности. Казанский творчество писателя соотносил с общественными потребностями, в числе которых для Сибири, по его мнению, была и сама литература как выражение духовных сил пробуждающейся окраины России.

Зарождающаяся же вместе с литературой сибирская критика стремилась помочь, по выражению Насимова-Чужака в «осознании сибирского через художество». Для этого надо было определить само содержание «сибирского мотива» как своеобразной литературной традиции общенациональной культуры. И в программной статье «От Омuleвского до наших дней», прослеживая зарождение и эволюцию сибирской литературной традиции в поэзии вместе со становлением самого литературного процесса в Сибири, Казанский это делает. В его обосновании сибирская литературная традиция. — прежде всего тематическая общность поэтов своего края, берущих от Сибири «мотивы и краски».

В истории литературного движения в Сибири предсоветского периода значительна роль Николая Федоровича Насимовича-Чужака, сосланного в 1906 году в Иркутскую губернию. В годы ссылки писал он о творчестве Некрасова, Чехова, Горького, Андреева и других известных русских писателях, пристально следил за современной сибирской литературой, наступательно и бескомпромиссно выступал против областничества. Чужак создал ряд теоретических работ, в которых обнаруживал диалектический подход к искусству и приверженность позициям марксистской эстетики, что подтверждается, в частности, одной из лучших его теоретических работ «К эстетике марксизма». Литературно-критическую работу Насимов-Чужак вел и в послереволюционные годы. В 1920-м вместе с группой поэтов он создал во Владивостоке литературно-художественную группу «Творчество», занимавшуюся поисками новых форм искусства, а так же ряд статей — «Какое искусство ближе пролетариату?», «Пролетарская культура», «Осознание через искусство» и другие, в которых стремится обосновать необходимость создания искусства победившего пролетариата. Но поиски эти в итоге привели Насимова-Чужака к футуризму. С 1923 года он жил в Москве, где примкнул к Лефу, а становление литературной критики Сибири

современной связано было уже с другими именами и творческими объединениями.

Заметную роль в становлении литературной критики Сибири в начале 1920-х годов сыграл иркутский журнал «Красные зори», появившийся в 1923 году. В его критико-библиографическом отделе, который вел Андриан Вечерний (настоящее имя этого журналиста и поэта Андриан Алексеевич Голенковский) публиковал статьи и рецензии о новинках литературы и искусства.

Однако подлинным центром литературной и культурной жизни Сибири становился другой журнал — «Сибирские огни». Именно с его деятельностью будет связано на долгие годы и дальнейшее развитие литературной критики Сибири. В полемических, исследовательских, теоретических статьях сибирских критиков ставились проблемы новой литературы, которые соотносились с потребностями социалистической эпохи, обсуждались чрезвычайно важные концепции искусства и еще не сформировавшиеся художественно-эстетические взгляды нового общества. Перед критикой встала нелегкая задача при анализе текущей литературы ответить на остро поставленные культурной революцией вопросы: что считать нормой в искусстве, что называть традицией, а что новаторским, какие произведения выделить из литературного потока и как оценить их эстетическую и социальную ценность. Трудность усугублялась политизацией искусства в пореволюционные годы, что вело к резкому росту идеологического и социального фактора литературно-художественной критики, и на первый план часто выступала не эстетическая, а социологическая сторона.

Критике журнала «Сибирские огни» в целом удалось избежать этого перекося. И в первую очередь благодаря Валериану Павловичу Правдухину. В январе нынешнего года мы отметили его 125-летие. Назначенный заведующим «Сибгосиздата», Правдухин вместе с известной в будущем советской писательницей Лидией Сефуллиной попал в Новониколаевск в 1921 году. Он стал одним из основателей журнала «Сибирские огни» и активным деятелем литературного процесса Сибири начала 1920-х годов, ведущим критиком и теоретиком, во многом определившим направленность литературной критики Сибири. В своих статьях Правдухин требовал от писателей глубокого проникновения в сущность общественных явлений, освещения особенностей жизни послереволюционного времени. Он умел поставить важнейшие вопросы литературного движения тех лет. «Сибирские огни» стали для Правдухина творческой трибуной, с которой он в статьях «В борьбе за новое искусство», «Литература о революции и революционная литература», «Литературные течения современности», «Сибирские поэты современности» и других отстаивал идейность и социальную значимость искусства, видя в литературе «сильное революционное оружие» и «агитационную мощь». Вместе с тем высоко оценивал Правдухин

реалистические и гуманистические традиции русской классики, видя в них фундамент нового искусства, и горячо их отстаивал. В то же время резко выступал против натуралистических тенденций. Говоря о социальности литературы, ее неразрывной связи с современной действительностью, Правдухин искал в творчестве писателей-современников, как он говорил, «живых капель будущего», умения «сочетать временное с вечным». В 1920-х годах Правдухин был одним из тех немногих критиков, у кого знание эстетических законов сочеталось с пониманием исторических закономерностей и тенденций общественного развития. При отражении самых важных и злободневных социальных проблем литература, по его мнению, должна оставаться в рамках необходимой художественности. Отсюда закономерно, что, развивая традиции революционно-демократической критики, Правдухин настаивал на необходимости критики синтетической. Размышляя о задачах и принципах новой критики, неотъемлемой части молодой советской литературы, Правдухин приходил к выводу, что ее «в наших журналах нет» («...писателю надо умереть, чтобы на свет появилась беспристрастная и небоязливая оценка его творчества»). Однако его собственная литературно-критическая практика и работа возглавляемого им критического отдела журнала «Сибирские огни» это утверждение опровергают. Критические статьи и рецензии, публиковавшиеся на страницах журнала в 1920-х годах, проникнуты духом заинтересованности в судьбе российской литературы и прежде всего литературы Сибири. Правдухин проработал в Новониколаевске немногим более года. В 1923 году они вместе с Сейфуллиной переехали в Москву, где Валериан Павлович возглавил критический раздел журнала «Красная Нива». В августе 1937 года он был репрессирован, а через год расстрелян. Но след после себя оставил не пропадающий. Значение Валериана Правдухина как зачинателя критики в советской литературе Сибири невозможно переоценить.

Критику в «Сибирских огнях» 20-х годов отличало жанровое многообразие: обзоры литературы, проблемные статьи, литературные портреты, рецензии, отзывы, аннотации и объявления о новых книгах и даже критика на критику. Регулярно обзревала «Сибирские огни» текущую литературную периодику (журналы и альманахи), знакомя читателей с новинками. Журнал быстро реагировал на многочисленную литературную продукцию, выходившую в центральных и периферийных издательствах, демонстрируя сочетание почти газетной оперативности и основательной журнальной содержательности. Оперативность отклика не снижала его концептуальности, живой соотнесенности с текущим литературным процессом. Важно и то, что «Сибирские огни» с первых своих шагов не замыкались в узко-региональных рамках. Необходимость сочетания сибирского, специфического с общезначимым стала основным принципом работы журнала. Поэтому не случайно появление в литературно-критическом разделе «Сибирских огней» статей и исследований о Белинском, Короленко, Достоевском, Ролане и других выдающихся писателях, что станет прочной

традицией журнала. Серьезнейшее внимание критикой «Сибирских огней» уделялось выявлению ростков новой революционной литературы, «молодой и зеленой поросли, которая поднимается вокруг журнала» (В. Зазубрин). Неотъемлемой частью критического раздела журнала была и постоянная рубрика «Трибуна читателя». Живой голос читателя был необходимым компонентом литературного процесса. Об этом же свидетельствовали и «Топоровские чтения» новинок художественной литературы, их обсуждение сибирскими крестьянами, организованные Адрианом Митрофановичем Топоровым.

В 1920-х годах отряд критиков в Сибири был немногочислен. Кроме Правдухина, — Марк Азадовский, Георгий Круссер, Яков Браун, Борис Жеребцов, Петр Комаров, Вениамин Вегман... — вот немногие его профессиональные представители. Большую роль сыграл тот факт, что на критическом поприще зачастую выступали ведущие писатели Сибири тех лет: Зазубрин, Сейфуллина, Урманов, Павлов... Особенно часто и последовательно в роли критиков выступали Георгий Вяткин и Вивиан Итин. Это обеспечило своевременность отзывов, более тесную связь с текущим литературным процессом и наложило особый отпечаток на стиль и манеру работы критиков, на развитие профессиональной критики региона.

Весьма интересен был в 1920-х годах и критико-библиографический отдел журнала «Красные зори».

В конце 20-х — начале 30-х годов советскую литературу, раздирала групповая борьба, которая нашла свое отражение и в литературной критике. Главное же место в литературной жизни страны занимала в те годы рапповская критика с ее вульгарно-социологическим, подходом к явлениям литературы и искусства и пренебрежением к их внутренним законам. Вспышки «групповщины» не обошли и Сибирь. Особенно ярко проявились они в противостоянии Сибирской ассоциации пролетарских писателей, группы «Настоящее», с одной стороны, и Союза сибирских писателей, «Сибирских огней» — с другой. На примере этого противоборства хорошо видно, что вульгаризаторские методы утверждения «нового», «революционного», «пролетарского» искусства доходили подчас до литературного экстремизма. Ниспровергая литературные традиции, абсолютизируя литературу факта и журналистские жанры, сибирские рапповцы и их союзники группа «Настоящее» объявили художественную литературу вообще не нужной и чуждой пролетариату, «реакционной по своей природе». В результате литературной борьбы ряд видных деятелей литературы (Зазубрин, Басов и др.) вынуждены были покинуть Новосибирск, а журнал «Сибирские огни» в конце 1920-х стал органом Сибирской ассоциации пролетарских писателей, который возглавил «правоверный» рапповец Анатолий Васильевич Высоцкий.

Он сыграл немалую роль в литературном движении Сибири. И далеко не всегда позитивную. С его именем связано немало вульгаризаторских перегибов. Так, своими литературно-критическими суждениями он

поддерживал и укреплял лефовский лозунг о «разрушении эстетики» и утилитарно-прагматическую рапповскую установку «служения» литературы народу с требованием непосредственного решения производственных задач в самой литературе. В статьях и выступлениях Высоцкого призывы к такому «служению» искусства обществу возведены в степень литературно-художественной концепции. Высоцкий был апологетом «ударничества» в литературе, которое он преподносил как спасительную силу и беспроектный способ создания «большого искусства». Это привело к тому, что страницы руководимого им журнала (в 1930-е годы он был главным редактором «Сибирских огней») заполнили серые, беспомощные литературные поделки. Но Высоцкий при этом продолжал утверждать, что «с появлением в журнале произведений рабочих-призывников «Сибирские огни» делают поворот в сторону отображения основных моментов социалистического строительства».

Несмотря на крайние формы проявления, групповая борьба и в центре, и на местах была пронизана общей мыслью о выработке единого для всей советской литературы, организующего и мобилизующего, реального художественного творческого метода. Другое дело, что не было единства в самом его понимании. Подтверждают это и литературно-критические и литературоведческие дискуссии того времени. Так, проблема творческого метода стала предметом бурной полемики, завязавшейся на страницах «Сибирских огней» в 1930 — 1931 годах. Открылась она статьей Владимира Вихлянцева. Он же и завершал диспут. Статьи Вихлянцева захватывали полемической страстью, но и обнаруживали в авторе серьезного эрудированного критика, пытающегося честно разобраться в сложной расстановке литературных сил и выработать взгляд, не зависящий от случайного воздействия или конъюнктуры. Вихлянцеву удалось воспроизвести сложный спектр разнообразных и противоречивых мнений о принципах изображения в современной литературе. На примере этой дискуссии видно, как, продираясь сквозь заторы полемических перехлестов, приходило осознание того, что в определении нового творческого метода необходимо руководствоваться реальным литературным опытом и живой художественной практикой.

Известное постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 «О перестройке литературно-художественных организаций» положило конец литературным распрям. Состоявшийся в 1934 году I съезд СП СССР официально утвердил новый метод, дав ему название «социалистический реализм», который на многие десятилетия будет становым хребтом советской литературы. Писатели объединились для решения общих задач. «Сибирские огни» стали органом Западно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей, а возглавил журнал Вивиан Итин.

С его приходом изменились тональность и характер критики. Это хорошо видно по двум редакционным статьям, опубликованным с

интервалом в один год. Если в январе 1932 года Высоцкий, подводя итоги 10-летней работы журнала, ратовал за доведение литературной борьбы до победного конца, то Итин настаивал уже на прекращении борьбы и сплочении писателей. Объединение разрозненных творческих сил, создание единой методологической основы для их деятельности и литературно-критической оценки сделало литературный процесс достаточно предсказуемым и управляемым и значительно упростило работу литературной критики. Вооруженная четко прописанными идейно-художественными параметрами, главное внимание она теперь сосредоточила на соответствии им литературной продукции и на том, как отражают писатели происходящие в стране масштабные социально-экономические преобразования. Эстетические функции критики отодвинулись на задний план. Все это отчетливо просматривается и в публикациях литературно-критического раздела журнала «Сибирские огни», который по-прежнему оставался литературным зеркалом Сибири.

Литературоведение и литературная критика 1920 — 1930-х годов были тесно связаны с именем выдающегося ученого-литературоведа, фольклориста, библиографа Марка Константиновича Азадовского, который внес большой вклад в разработку истории русской литературы Сибири. Он первый создал цельный очерк о ней, первый сформулировал само понятие «литература сибирская», определил этапы ее развития и впервые широко в методологическом и теоретическом плане поставил вопрос об изучении литературы Сибири, включившись и сам в практическую разработку ее проблем. После Ядринцева в Сибири, пожалуй, не было литературоведа значительнее, чем Азадовский.

В первое десятилетие после Великой Отечественной войны перед советскими писателями остро встали сложные проблемы материальной и духовной жизни. Литература Сибири не осталась от них в стороне. Работа сибирских писателей этого времени была отмечена стремлением к овладению новым жизненным материалом, а так же активностью жанровых поисков. Тема Великой Отечественной войны в их творчестве переплеталась с темой современного строительства, историческая тема, связанная главным образом с событиями Гражданской войны, — с темой национальных окраин. Среди литературных жанров выдвинулся роман, хотя весьма интенсивно развивались и поэтические, и драматургические формы. Но характерно послевоенное десятилетие для сибирских писателей было и значительными подчас художественными издержками. Все это давало богатую пищу для критического осмысления. И литературный процесс Сибири послевоенного десятилетия, и творчество отдельных писателей-сибиряков свое отражение в литературоведении и критике действительно находили. Хотя не всегда оно было достаточно точным, глубоким и объективным, не всегда адекватным. Чрезмерное внимание уделялось социально-политическому кругозору писателя в ущерб его художественному мастерству, а критические замечания

зачастую сводилось к репликам типа «автор не отразил», «не охватил», «упустил», «не разъяснил» и т. д. Впрочем, такой подход к оценке литературных явлений был вполне в русле общей тенденции советской критики того периода. Но встречалось в работах сибирских критиков и немало верных, точных, глубоких наблюдений.

В литературной критике Сибири послевоенного десятилетия началась смена поколений. Еще работали такие критики старшего поколения, как Анатолий Высоцкий или Савва Кожевников, но уже все уверенней заявляли о себе Алексей Абрамович, Борис Рясенцев, Василий Трушкин, Николай Яновский. Делали первые шаги на критическом поприще Ефим Беленький, Анатолий Никульков, Лоллий Баландин. Продолжилась возникшая в 1920-х годах традиция широкого привлечения к литературно-критической деятельности работников вузов и научных учреждений. Научная среда стала одним из главных поставщиков литературно-критических кадров. По-прежнему активно выступали в роли критиков писатели (Афанасий Коптелов, Георгий Марков, Марк Сергеев и др.). Послевоенное десятилетие для литературной критики Сибири было характерно также заметным усилением ее «децентрализации». Оставаясь главным средоточием литературно-критических сил, «Сибирские огни» были теперь далеко не единственным местом их приложения, чему способствовало появление (или возрождение) в 1950-х целого ряда областных и региональных литературно-художественных журналов. и альманахов, активно печатавших местных авторов. Так, прочное ядро литературоведов и критиков сплотилось вокруг иркутского альманаха «Новая Сибирь». При этом местные издания не ограничивались публикацией материалов, посвященных лишь региональным авторам, а поощряли деятельность литературоведов и критиков широкого диапазона, с охватом теоретических проблем, с оценкой общих явлений искусства.

Дальнейшее развитие литературной критики Сибири связано с большим литературным подъемом, вызванным начавшейся в 1950 — 1960-х годах демократизацией общества, потеплением идеологического климата, которые совпали с новой фазой экономических преобразований в стране, затронувших прежде всего Сибирь. Сибирь выдвигает и целый ряд интересных писателей, чьи произведения имеют самый широкий резонанс. О многом, особенно о грандиозных социально-экономических преобразованиях на востоке страны, сибирской литературе удастся сказать свое первопроходческое слово. Заметные достижения сибирской литературы этой поры органично вписываются в сложные и многообразные искания общесоюзного литературного процесса. «Первичность творчества» и высокие горизонты «местной» литературы открывали широкий простор сибирским критикам и литературоведам для критической мысли и актуального исследования. Активно начинают работать в эту пору критики Юлий Мостков, Виталий Коржев (Новосибирск), Эдмунд Шик (Омск), Евгений Раппопорт и Анатолий Срывцев (Барнаул).

Серьезным стимулятором стало вышедшее в январе 1972 года Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», которое резко повысило требования к выступлениям критиков и способствовало росту критических кадров, наблюдавшемуся повсеместно. Едва ли не в каждом крупном сибирском городе появляются новые критические имена: Эдуард Бальбуров (Улан-Удэ), Борис Чмыхало (Красноярск), Владимир Шапошников, Владимир Перцовский, Алексей Горшенин (Новосибирск), Виктор Горн (Барнаул), Евсей Цейтлин (Кемерово), Александр Лейфер (Омск), Игорь Литвиненко (Владивосток)...

Во второй половине 1970-х годов к жанру литературной критики обращаются и многие сибирские литературоведы: такие, например, как Надежда Тендитник и Николай Антипьев (Иркутск), Александр Казаркин (Томск), Николай Тобуроков (Якутск), Галина Шленская (Красноярск), Георгий Кондаков (Горно-Алтайск), Людмила Якимова и Борис Юдалевич (Новосибирск), Сергей Крившенко (Владивосток) и другие. По своему характеру критика этого периода преимущественно социологическая и проблемная, в числе главных задач которой выяснение того, насколько художественное отображение соответствует жизненным реалиям. Но не остается без внимания и эстетическая сторона литературных произведений.

Особенно плодотворными 1970 — 1980-е годы оказались для новосибирского критика, литературоведа, историка литературы Николая Николаевича Яновского, более 20 лет проработавшего в журнале «Сибирские огни» заведующим отделом критики и заместителем главного редактора, и профессора Иркутского государственного университета Василия Прокопьевича Трушкина. Их перу принадлежат десятки сборников и монографий о сибирских писателях разных поколений, множество статей по проблемам современного литературного процесса.

В работах этих критиков немало общего. Все написанное ими является, по сути, главами истории русской и советской литературы в Сибири, в которых неизменно прослеживается взаимосвязь и преемственность поколений писателей-сибиряков, их вклад в общероссийский литературно-исторический процесс. История и современность в понимании Яновского и Трушкина были крыльями единого литературного процесса. Как истинные патриоты и подвижники сибирской литературы оба они проводили огромную работу по изучению и популяризации творчества забытых и полузабытых сибирских писателей. Немало «белых пятен» удалось закрыть им на литературной карте Сибири, немало незаслуженно забытых писательских имен восстановить. Не забывали оба и о своих современниках, освещая их творчество и в оперативных рецензиях-откликах, и в статьях, и в фундаментальных монографиях. В своих статьях и книгах они стремились показать, говоря словами Трушкина, «что духовная жизнь Сибири всегда была насыщенной и по-своему разнообразной и богатой, что Сибирь,

несмотря на свою отдаленность, никогда не оскудевала талантами и что познание ее культурного прошлого и настоящего — это, в сущности, познание самой России».

С начала 1970-х годов и до завершения своего жизненного пути Яновский и Трушкин являлись безусловными лидерами в литературной критике Сибири, фигурами для нее знаковыми, ориентирными. Благодаря им, сибирская «критическая школа» стала заметным явлением во всесоюзной критике 1970 — 1980-х годов.

Работа критиков-сибиряков этого периода не ограничивалась собственным творчеством, исследованием литературного процесса. Они активно вторгаются в издательскую деятельность: пишут предисловия к книгам и сборникам, редактируют и комментируют их, участвуют в осуществлении ряда крупных издательских проектов («Литературное наследие Сибири», «Библиотека сибирского романа», «Литературные памятники Сибири» и др.). Ярким примером такого рода может служить фундаментальный труд «Очерки русской литературы Сибири», в выпуске которого принимали участие как представители академической и вузовской науки, так и литературные критики различных регионов Сибири.

В 1990-х годах литературная критика Сибири переживает общий для всего российского литературного процесса кризис, связанный с политическими и социально-экономическими изменениями в стране, с разрушением книгоиздательской системы, разорванностью единого культурного пространства, с идейной и духовной переориентацией. Критика, в результате, становится все более рецензионно-аннотационной, подчас просто рекламной, и все дальше отступает от постановки и решения больших идейно-художественных и эстетических задач, что подтверждают критические разделы практически всех сибирских журналов и альманахов 1990-х годов, включая «Сибирские огни».

Остро встала к исходу XX века и проблема обновления критических кадров. Значительная (и лучшая их часть) уже ушла из жизни, некоторые отошли от живой критической практики. А притока свежих литературно-критических сил не наблюдалось. Так, в Новосибирске, где в середине восьмидесятых насчитывалось более десятка профессиональных активных критических перьев. На пороге XXI века осталось только двое — Владимир Шапошников и ваш покорный слуга. Сегодня и Шапошникова нет в живых. На смену ему пришел пока только один настоящий критик-профессионал — ныне уже достаточно хорошо известный критик в литературных кругах Владимир Яранцев. Еще хуже положение в других сибирских регионах.

Развитие литературной критики в Сибири в 1990-х годах явно застопорилось. Мало что изменилось и за неполные два десятилетия XXI. Остается надеяться, что мероприятия, подобные нынешнему, как-то помогут улучшить ситуацию.